
ИСТОРИЯ НАУКИ

«...и я всей душой хотел бы проводить раскопки именно там»: материалы В. Н. Ястребова по исследованиям в Херсонской губернии в рукописном отделе научного архива ИИМК РАН¹

В. Н. Кузнецова²

Аннотация. В статье рассматриваются материалы научного архива ИИМК РАН, отражающие исследование В. Н. Ястребова (1855–1898) в Херсонской губернии. Среди документов — отчеты, рисунки, фотографии и переписка исследователя с ИАК, особо стоит отметить письма к В. Г. Тизенгаузену и А. А. Бобринскому.

Ключевые слова: Ястребов, научный архив, Херсонская губерния, Причерноморье, история археологии.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-335-345

В. Н. Ястребов (1855–1898) являлся действительным членом Императорского Одесского общества истории и древностей и преподавателем Елисаветградского реального училища, он также сотрудничал с Императорской археологической комиссией и Московским археологическим обществом. Как и многие ученые XIX в., исследователь отличался широким кругом интересов, в истории науки он известен и как археолог, и как этнограф. В собрании научного архива ИИМК РАН хранятся его материалы, связанные с исследованием памятников различных регионов: Области Войска Донского, Тамбовской и Херсонской губерний. Среди документов — отчеты, рисунки, фотографии и переписка исследователя с ИАК, особо стоит отметить письма к В. Г. Тизенгаузену и А. А. Бобринскому. В рамках этой статьи акцент сделан на материалах Херсонской губернии, исследования которой прошли сквозь всю научную биографию В. Н. Ястребова. Он работал с памятниками различного масштаба — от случайных находок до Мельгуновского кургана и Ольвии.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 22-18-00187, <https://rscf.ru/project/22-18-00187/> «Неопубликованная „Карта по археологии Причерноморья“ И. В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)» в ИИМК РАН.

² Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18А, С.-Петербург, 191186, Россия; e-mail: valentkuznets@mail.ru.

© Кузнецова В. Н., 2023.

Наиболее ранние сведения об археологических работах В. Н. Ястребова в материалах НА ИИМК весьма отрывочны. Так, он упоминается в письме И. И. Толстого к В. Г. Тизенгаузену от 9 июля 1887 г., связанном с работами в Херсонесе, впрочем, в не совсем ясном контексте: «Относительно Ястребова говорить рано» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1887. Д. 22. Л. 29³). Он также отмечен в письме губернатора Херсонской губернии в ИАК от 18 декабря 1889 г., которое хранится в деле «о древних конских украшениях, найденных в Ананьевском уезде Херсонской губ.» (Там же. 1889. Д. 81). Согласно этому документу, «В 1886 или 1887 отставной Штабс-Ротмистр Шафонский на собственной своей земле, при участии учителя Елисаветградского Реального училища Ястребова, занимающегося археологией, раскопал три кургана; нашли они несколько человеческих скелетов, обломки глиняной посуды, медную чашку, саблю, некоторые принадлежности седла и лук. Все эти древности Шафонский тогда же отправил в названное училище» (Там же. Л. 56).

С 1888 г. В. Н. Ястребов весьма активно привлекался к выполнению различных поручений Комиссии, связанных не только с Херсонской губернией, на которые он всякий раз откликнулся с большой готовностью. К сожалению, вне рамок

³ Все архивные материалы, упоминаемые в статье, находятся в фонде 1 рукописного отдела НА ИИМК РАН, поэтому далее ссылки на них будут начинаться с описи, опуская упоминание архива и фонда.

данной статьи остался основной массив материалов о его работах в Тамбовской губернии и Области Войска Донского, однако на некоторых моментах этих исследований следует остановиться при рассмотрении его научной биографии.

В 1888 г. В. Н. Ястребов занимается раскопками Лядинского могильника в Тамбовской губернии (*Ястребов*, 1893), относящегося к культуре средневековой мордвы. В 1893 г. материалы этого памятника были изданы вместе с древностями Томниковского могильника, имеющего схожую культурно-хронологическую атрибуцию. Примечательна следующая особенность: в интерпретации средневековых мордовских украшений ясно прослеживается попытка осмысления их через поиск аналогий в античном ювелирном искусстве. Так, говоря о шейной гривне, В. Н. Ястребов пишет: «Форма эта представляет собою далекое воспоминание об ожерельях тонкой греческой работы» (*Там же*. С. 60). При описании других изделий встречаются также отсылки к украшениям конского убора из Нимфеи, золотым спиральным кольцам Киммерийского Боспора, орнаменту на серебряной бляшке из Александропольского кургана (*Там же*. С. 32, 37, 49). Очевидно, что увлечение античностью повлияло даже на восприятие финно-угорских материалов.

На 1889 г. приходятся активные работы В. Н. Ястребова в Екатеринославской и Херсонской губерниях. В последней им проводилось исследование у с. Мартоноша. Согласно журналу исходящих бумаг за 1889 г., ИАК направила В. Н. Ястребову предложение приступить к раскопкам курганов, удостоверение на получение 400 руб. из Елисаветградского уездного казначейства, открытый лист на право проведения раскопок в Херсонской губернии (Оп. 3. Д. 15. Л. 12). Курган у с. Мартоноша был раскопан крестьянами-кладоискателями еще в 1870 г. Наиболее яркая и значимая находка — фрагментированный бронзовый кратер (*Мальмберг*, 1907) — до сих пор привлекает внимание исследователей (*Вахтина*, 2008; *Трейстер*, 2021). Его ручка украшена «изображением Медузы с двумя парами крыльев в позе коленопреклоненного бега вправо» (*Вахтина*, 2008. С. 84). Как отмечает М. Ю. Вахтина, «находку этого парадного сосуда обычно рассматривают как результат контактов между греческими колонистами и местным населением региона. Скорее всего, кратер попал к представителям варварской аристократии из Ольвии» (*Там же*. С. 84).

Сведения о раскопках В. Н. Ястребова близ с. Мартоноша опубликованы в ОАК за 1889 г.

Само архивное дело о раскопках мартоношских курганов в собрании НА ИИМК РАН отсутствует (Оп. 1. 1882. Д. 5. «О высылке из Елисаветградского реального училища бронзовой ручки от древнего сосуда» — не было обнаружено при проверке 1938 г.). Однако в архивном собрании представлены письма В. Н. Ястребова, в которых описываются подготовительные работы к раскопкам в с. Мартоноша. Еще в феврале 1889 г. он писал В. Г. Тизенгаузену по поводу мартыношских/мартоношских курганов: «Я принял меры к получению подробных сведений о курганах близ с. Мартынош, но вследствие того, что ответ обещан мне не ранее 1 марта, спешу сообщить то, что удалось узнать, а именно: курганов там довольно много, некоторые расположены группами, высотой не превышают 4 сажень»⁴ (Оп. 1. 1888. Д. 60. Л. 5). Исследователь описывает также ряд рабочих моментов: «Мартыноши населены молдаванами, которые на работу никогда не нанимаются; но говорят, можно нанять рабочих в гор. Новомиргороде» (Оп. 1. 1888. Д. 60. Л. 5).

В письме к В. Г. Тизенгаузену от 4 марта отражено стремление В. Н. Ястребова поскорее разобраться с разведочными работами и приступить к раскопкам, в том числе в с. Мартоноши: «...имею честь сообщить Вам, что в Лоцманскую Каменку охотнее я поехал бы на страстной, дабы не сокращать и без того коротких летних каникул, которые начинаются у нас 15 июня и продолжаются до 1-го августа. На поездку в Лоцманскую Каменку я смотрю как на разведку, ибо ничего верного и определенного она пока не обещает, и думаю выполнить эту экскурсию в течение недели <...> Зато с наступлением каникул можно будет без промедления приступить к работе по раскопкам в Мартыношах ли, в Николаевке ли, в Кривом ли Роге» (Оп. 1. 1888. Д. 60. Л. 3).

Весной 1889 г. были собраны долгожданные сведения, в письме от 9 мая 1889 г. В. Н. Ястребов пишет: «Близ Мартынош для меня насчитали до 10 курганов, между ними замечен и курган с ямой. По имеющимся у меня сведениям, курганы эти не очень велики, т. е. вряд ли превышают 3 саж.; оно и лучше: надо сначала набить руку на таких, для того чтобы не подвергать себя и других опасности завалов при раскопках больших. Только прошу Вас покорнейше, глубокоуважаемый Владимир Густавович, не ограничивать моей работы раскопкой могил только на казенных

⁴ Все документы приведены в соответствие с современными орфографией и пунктуацией.

участках, а распространить полномочия и на участки общественные и владельческие близ с. Мартынош [курсив мой. — В. К.] <...> по имеющимся у меня сведениям некоторые курганы находятся на землях, принадлежащих обществу крестьян с. Мартынош. Сообщите также, будьте добры, как я должен поступать в таком случае по вопросу о вознаграждении за хозяйственные убытки и за найденные вещи» (Оп. 1. 1888. Д. 60. Л. 16). Примечательно, что просьба о расширении полномочий будет встречаться и в других письмах В. Н. Ястребова, в частности, связанных с исследованиями Ольвии⁵.

Как отмечается в ОАК, «Восстановить историю раскопки 1870 <...> оказалось делом трудным, вследствие беспорядочности раскопки, отдаленности времени ее, преклонных лет спрошенных раскапывателей и, наконец, недостатка сознательности в отношении их к тем сторонам дела, которые представляют важность для науки <...> Дальнейшая раскопка, произведенная г. Ястребовым, прорезала курган почти насквозь от В. к З., колодцем в 20 арш. длины и 10 арш. ширины... По всем данным г. Ястребов считает несомненным разновременное, но полное разграбление кургана» (ОАК за 1889 г., 1892. С. 30, 31). Помимо доследования кургана, грабительски раскопанного в 1870 г., В. Н. Ястребов продолжил работы в окрестностях с. Мартоноша «близ дороги в Новомиргород» (Там же. С. 31): раскопал еще четыре кургана, а также прорезал южный вал городища, подходящего «под тип общераспространенный на севере Херсонской губ.» (Там же), сквозной траншеей.

Переписка В. Н. Ястребова за 1889 г. примечательна еще и тем, что в ней исследователь не только сообщал о делах, связанных с конкретными раскопками, но делился сведениями о других известных ему памятниках. В письме от февраля 1889 г. содержались краткие сведения о раскопках землевладельца Троста в Александрийском уезде близ дер. Николаевки: «Трост раскапывал одну могилу сажени 4 вышины; в насыпи нашел разложившийся скелет в деревянном гробу и обломок камня с интересными узорами, кажется — фраг-

⁵ «А так как может явиться необходимость произвести раскопки не только на общественных землях парутинских крестьян, а также на землях церковных и на общественных землях окрестных деревень и сел и пр., то покорнейше просил бы не ограничивать мои полномочия [курсив мой. — В. К.] общественными землями села Парутино» (Оп. 1. 1894. Д. 32. Л. 3).

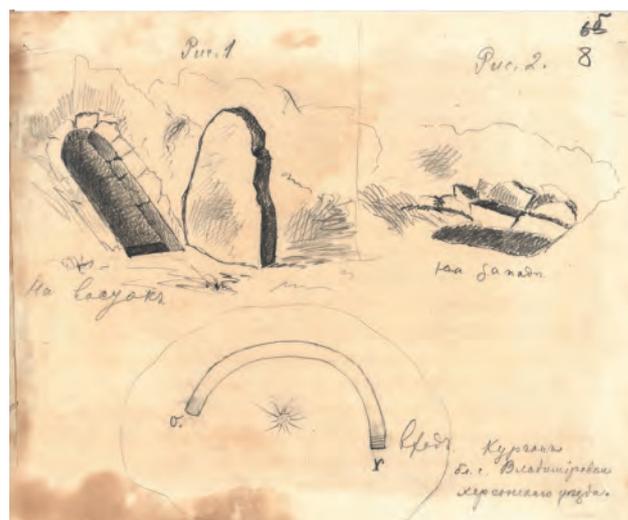


Рис. 1. Курганы близ с. Владимировка Херсонского уезда. Рисунок ученика Елисаветградского реального училища П. Ярошевского (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1889. Д. 60. Л. 8)

Fig. 1. Barrows near the village of Vladimirovka of Kherson Uyezd. Drawing by the pupil of the Elisavetgrad non-classical secondary school P. Yaroshevskiy (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 1. In. 1. 1889. F. 60. Sh. 8)

мент каменной бабы; сколько мне известно, раскопка не кончена, и г. Трост приглашал меня приезжать для раскопки» (Оп. 1. 1888. Д. 60. Л. 6, 9). В мае 1889 г. В. Н. Ястребов пишет В. Г. Тизенгаузну о небольшом кургане во Владимировке Херсонского уезда, раскопанном крестьянином в 1887 г., и прилагает рисунок ученика Елисаветградского реального училища Петра Ярошевского (рис. 1), а также приводит следующие сведения: «По словам Ярошевского, крестьянин, войдя в подземелье, увидел „дида“, который тотчас же рассыпался, оставив после себя следы одежды и остатки костей. Были ли при этом найдены какие-либо вещи, Ярошевский не знает» (Оп. 1. 1888. Д. 60. Л. 16). Впрочем, создается впечатление, что упоминание материалов Владимировки — отнюдь не формальная передача сведений, но и отражение определенных планов и надежд В. Н. Ястребова: «Любопытно было бы когда-нибудь покопать большие могилы в этой группе» (Оп. 1. 1888. Д. 60. Л. 16).

На 1890 г. комиссия планировала довольно обширные исследования в Области Войска Донского при участии В. Н. Ястребова⁶. Из письма

⁶ Согласно письму А. А. Бобринского, В. Н. Ястребову следовало обратить внимание: «1) на ближайшее расследование местности в старой Азовской крепости <...>; 2) на раскопку двух или трех курганов в Ново-

исследователя, которое прилагалось к отчету по итогам работ 1890 г., очевидно, что работы ему дались непросто, а сами результаты принесли некоторое разочарование.

«Многоуважаемый Владимир Густавович!

Посылаю Вам печальный отчет свой, написать который едва хватило у меня духу, потому что приходилось переживать *вновь то уныние, которому — увьи! — я подвергался в минувшее лето* [курсив мой. — В. К.]. Не выручил даже венецианский посол Джакомо Корнадо, не говоря о курганах <...> Для меня только одно утешение осталось, это то, что в конце концов научился быть мужественным и одержал победу над самим собой: заехал за 500 верст от Ростова в юрт Голубинской станицы и, найдя, что во всех почти курганах зияют грабительские ямы, имел духу раскопать 10 курганов: утешение для меня, но, к сожалению, — не для науки...» (Оп. 1. 1890. Д. 9а. Л. 19).

В письме отразилась глубина переживаний В. Н. Ястребова: сложно сказать, стали ли раскопки 1890 г. своего рода переломным моментом в его ментальном здоровье. Однако состояние уныния, как его обозначил он сам, к сожалению, проявлялось неоднократно и в дальнейшем сказалось не только на научной карьере исследователя и изучении археологии Херсонской губернии в частности, но и на всей жизни.

В 1891 г. В. Н. Ястребов вновь возвращается к раскопкам в Херсонской губернии — в дер. Сергеевке Владимировской волости Херсонского уезда. Здесь годом ранее крестьянин Денис Михайлов Коломак при вспашке поля обнаружил «несколько десятков древних металлических блях, трубочек и колокольчиков» (Оп. 1. 1891. Д. 34. Л. 10) (рис. 2, 1). Изделия были доставлены в ИАК, в связи с чем она в марте 1891 г. обращается к В. Н. Ястребову: «Находя бесполезным ближе исследовать эту местность и, если окажется нужным, провести там небольшие раскопки,

черкаскае <...>; 3) на раскопку нескольких курганов в юрте станицы Голубинской» (Оп. 1. 1890. Д. 9а. Л. 3). В числе поручений от ИАК, значащихся в документе, стоит отметить следующее: «Затем Комиссии желательно, чтобы Вы осмотрели Новочеркасский Музей и сообщили ей сведения о наиболее выдающихся в нем предметах древности. Наконец она просит Вас при Ваших разъездах по Земле Войска Донского собрать сведения о местных городищах, о наиболее важных группах курганов, которые Вам будут встречаться на пути, о случайных находках, сделанных в тех местностях, о частных коллекциях древностей и т. п.» (Там же).

Императорская Археологическая Комиссия покорнейше просит Вас принять на себя таковое исследование и с этою целью препровождает к Вам при сем открытый лист и свидетельство на получение из Елисаветградского Казначейства авансом 100 руб. на поездку в Сергеевку и обратно и на производство необходимых разведок» (Там же).

В. Н. Ястребов с готовностью откликается на предложение: «В дер. Сергеевку, может быть, съезжу на пасхальной неделе, но еще вероятнее, что после экзаменов». Кроме того, согласно письму исследователя, в его планы входило более масштабное обследование: «С этой поездкой имею в виду соединить осмотр и разведку курганов в самом селе Владимировке; о них я писал Археологической Комиссии в 1889 году, но не успел тогда остановиться здесь вдоль по дороге из Екатеринослава; кроме того, можно будет заехать в Кривой Рог для осмотра огромной Царевой могилы и ознакомления с владельцем ее; наконец, со станции Знаменка можно бы предпринять недалекие экскурсии в Черный лес и в Чудну для осмотра имеющихся там городищ <...> Надеюсь, что Археологическая Комиссия не найдет препятствий, если я, не ограничиваясь Сергеевкой и Владимировкой, расширю несколько план своей экскурсии включением в него указанных местностей» (Там же. Л. 14).

По итогу работ В. Н. Ястребов представил в ИАК отчет. Как отметил сам исследователь, первым делом он обратился к находчику и отправился с ним на место обнаружения блях, трубочек и бубенчиков: «Место находки не представляет никаких неровностей, которые позволяли бы предполагать существование здесь кургана, и произошло посреди поля, засеянного рожью, но было нарочито оставлено Коломаком незасеянным» (Там же. Л. 21). В. Н. Ястребов известен также и как этнограф, и его навыки работы с устной информацией отразились в археологических исследованиях — он весьма тщательно проводил опрос и местных крестьян, и находчиков: «Вещи, по его словам [Коломака. — В. К.], найдены им случайно, на поверхности пашни, будучи выворочены плугом, без всякого следа каких-либо костей, и он никогда не слышал, чтобы кто-либо находил здесь кости» (Там же).

Место находки было обследовано щупом, обнаруженная при этом «грунтовая яма... тотчас же была очищена от земли <...> В земле, наполнявшей ее, нашли 3 штуки бляшек (попорченных), подобных найденным прежде». Проанализировав все обстоятельства, В. Н. Ястребов делает вывод,

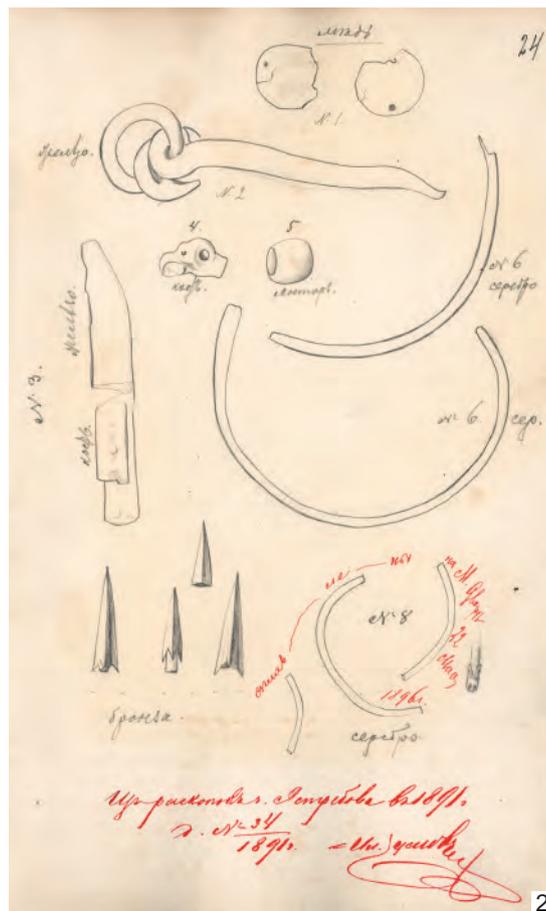
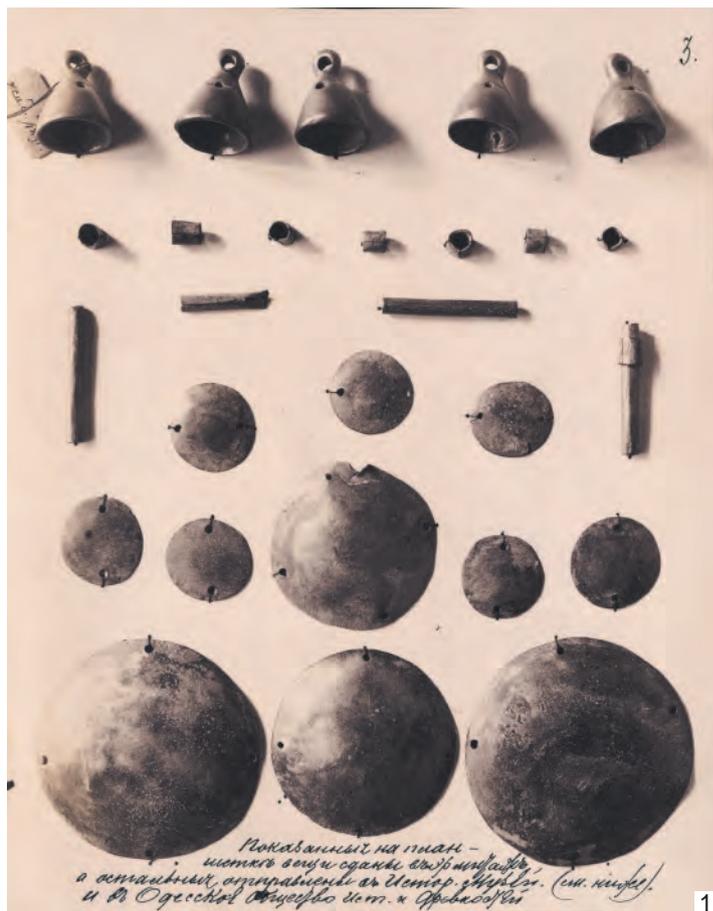


Рис. 2. Деревня Сергеевка Владимировской волости Херсонского уезда. Находки: 1 — обнаруженные при вспашке поля крестьянином Д. М. Коломаком; 2 — из раскопок В. Н. Ястребова. Рисунки В. Н. Ястребова (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1891. Д. 34. Л. 3, 24)

Fig. 2. Village of Sergeevka in Vladimir Volost of Kherson Uyezd. Finds: 1 — found during ploughing of a field by the peasant D. M. Kolomak; 2 — from excavations by V. N. Yastrebov. Drawings by V. N. Yastrebov (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 1. In. 1. 1891. F. 34. Sh. 3, 24)

что обнаруженные предметы входили в состав клада, «находившегося на дне ямы, но тронутого кем-то раньше Коломака» (Там же). Закончив с предполагаемым кладом, он остановил внимание на так называемых Рядовых могилах, «лежавших в 3 в[ерстах] от села к В[остоку], и, воспользовавшись любезным предложением владельца земли, Хр. Ал. Бредихина, избрал для раскопки самый восточный и вместе с тем самый большой курган» (Там же) (рис. 2, 2).

В 1892 г. ИАК предлагает В. Н. Ястребову раскопки курганов близ дер. Кучеровки Александровского уезда (так называемого Мельгуновского кургана), а также г. Александрии (рис. 3). Последний, «по дошедшим до Императорской Археологич. Комиссии сведениям», подвергался разрушениям: «местные жители берут землю из кургана и таким образом выбрали уже свобод-

ную канаву, в которой из насыпи торчат человеческие кости» (Оп. 1. 1891. Д. 132. Л. 1). В. Н. Ястребов писал А. А. Бобринскому: «раскопку в указанных <...> местах принимаю на себя с особенным удовольствием» (Там же. Л. 5).

Фактически В. Н. Ястребов первым приступил к научному изучению Мельгуновского кургана (Придик, 1911)⁷. Отчет В. Н. Ястребова по итогам раскопок этого памятника был отправлен в ИАК

⁷ В 1949 г. курган осмотрел А. И. Тереножкин (Тереножкин, 1952. С. 113), а в 1990 г. его последовала Н. М. Бокий (Бокий, 1992). Последние раскопки проведены Ю. В. Болтриком в 2019 г.; были найдены обломки золотых изделий, железного меча, металлические детали парадной мебели и др. Об исследовании кургана и истории коллекций находок см.: Тункина, 2006; Бабенко, 2012. Там же библиография.

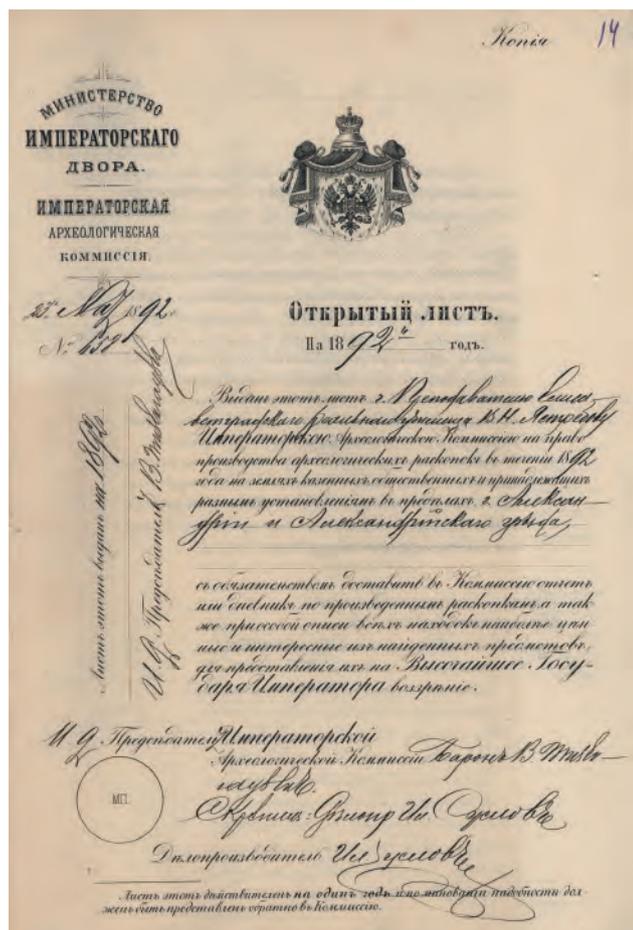


Рис. 3. Открытый лист, выданный В. Н. Ястребову в 1892 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1891. Д. 132. Л. 14)

Fig. 3. Archaeological licence issued to V. N. Yastrebov in 1892 (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 1. In. 1. 1891. F. 132. Sh. 14)

в конце августа 1892 г. Он написан на пяти страницах, три из которых характеризуют историю исследования, а на оставшихся двух отражены их результаты. В отчете сквозит разочарование, так как В. Н. Ястребов не встретил ярких находок в скифо-сибирском зверином стиле, подобных тем, что принесли известность этому памятнику. Он обнаружил «след прежних раскопок, может быть — мельгуновских» (Там же. Л. 26) и две ограбленные катакомбы. Отчет завершается следующим образом: «В насыпи кургана, в восточной его части, найдено несколько кусков затылочных костей человеческого черепа. По недостатку средств раскопки закончились на одном кургане. По этой же причине не был раскопан и курган в гор. Александрии» (Там же. Л. 27).

В 1894 г. В. Н. Ястребов получает предложение от ИАК провести раскопки в Ольвии. Исследователь встретил это предложение с чрезвычайным

воодушевлением: «...имею честь уведомить Вас, что ввиду неотложной необходимости систематического исследования ольвийских курганов и городища и первостепенной важности этого исследования я считаю для себя приятным долгом принять на себя проведение раскопок в Ольвии в настоящем году, к которым могу приступить после 15 июня, и что буду особенно рад воспользоваться Вашими личными указаниями и советами на месте раскопок» (Оп. 1. 1894. Д. 32. Л. 3). Ранее раскопками в Ольвии занимался И. К. Суручан, которому в производстве работ в 1894 г. было откано⁸.

В целом сезон 1894 г. оказался для В. Н. Ястребова непростым. Определенные сложности начались еще на этапе подготовки работ. Собственно, просьба не ограничивать полномочия была отнюдь не случайной. Первое письмо, в котором исследователь выразил готовность работать в Ольвии, датировано 25 марта 1894 г., однако уже 30 марта он посылает А. А. Бобринскому второе: «Здесь, в Елисаветграде, нашлись два человека, в недавнем времени бывшие в Парутине, один из которых — прежний управляющий имением, г. Гриневич, следовательно, человек хорошо знакомый с местностью. Оба они утверждают, что на 500 десятинах крестьянских парутинских наделов имеется всего четыре кургана, и те, по словам Гриневича, изрыты и обшарены крестьянами до последней возможности, — все же остальные окрестности Парутина находятся во владении гр. Мусиной-Пушкиной, а потому если от нея разрешения получено не будет, то копать собственно в Ольвии нечего» (Там же).

На случай отказа графини у В. Н. Ястребова был план провести раскопки по соседству с парутинскими землями: «можно бы обследовать правый берег Бутского лимана выше и ниже Парутино, где также есть городища и курганы» (Там же. Л. 4). Впрочем, Ольвия продолжала занимать

⁸ В письме от 23 апреля граф А. А. Бобринский писал: «Милостивый Государь Иван Касьянович! Принося Вам искреннюю благодарность за сообщенные <...> сведения об Ольвии и готовность заняться там раскопками, Импер. Археологическая Комиссия, к сожалению, лишена, по крайней мере в нынешнем году, исполнить желание Ваше, так как раскопки в Ольвии по установленному порядку предоставлены Комиссией специальному соруднику ее по исследованию древностей Херсонской губернии В. Н. Ястребову, которому при том на эти раскопки могли быть отпущены весьма небольшие средства» (Оп. 1. 1894. Д. 32. Л. 12).

мысли исследователя: «В Ольвию съездить все-таки, конечно, не лишнее, и я всей душой хотел бы производить раскопки именно там» (*Там же*).

Комиссия все же настаивала на раскопках в Парутино, но и против плана В. Н. Ястребова об исследовании соседних памятников не высказалась: «Импер. Археологическая Комиссия имеет честь уведомить Вас, что она считает во всяком случае желательным, чтобы Вами произведены были в Парутине некоторые предварительные раскопки, и вместе с тем извещает Вас о согласии своем на производство Вами раскопок и разведок в других помеченных в письме Вашем местностях» (*Там же*. Л. 6). Как следует из архивного дела, план не был реализован. В мае 1894 г. В. Н. Ястребов пишет: «Считаю долгом добавить, что согласно с желанием Археологической Комиссии, имею неперменное намерение провести раскопки в Парутине, тем более что по собранным мною вновь сведениям можно предполагать остатки городища и под крестьянскими усадьбами» (*Там же*).

Примечательно, что, несмотря на отказ И. К. Суручану в раскопках в Ольвии, ИАК просила его «в случае надобности <...> поделиться с г. Ястребовым указаниями относительно выбора для тамошних раскопок таких пунктов, которые <...> обещают наиболее удовлетворительные результаты» (*Там же*. Л. 12).

В. Н. Ястребов был знаком с отчетом И. К. Суручана (*Там же*. Л. 2, 4). Кроме того, ИАК в письме от 25 апреля 1894 г. направила ему «копию с письма г. Суручана» и предлагала ему «ознакомиться с его [Суручана. — В. К.] коллекцией Ольвийских древностей и вместе с тем собрать у него <...> ближайшие указания относительно выбора пункта для тамошних раскопок» (*Там же*. Л. 13). В. Н. Ястребов с готовностью откликнулся на поступившее предложение: «по предварительном осмотре местности, но до начала раскопок я нахожу полезным повидаться с г. Суручаном в Кишиневе и ознакомиться с его коллекцией, а потому покорнейше прошу Археологическую Комиссию предупредить его, что я рассчитываю посетить его около 18–19 июня» (*Там же*. Л. 17). Однако Комиссия предложила исследователю продолжить переписку самостоятельно: «Что касается до сношений с г. Суручаном, то Им. Арх. Комиссия просила об оказании Вам содействия для производства работ близ Парутина, но в дальнейшую переписку Вам надлежит вступить с г. Суручаном лично» (*Там же*. Л. 18). В архивных материалах сведения о том, состоялась ли встреча двух исследователей, не содержатся.

В 1894 г. В. Н. Ястребов проводил исследования на общественных землях возле Парутино, по итогам которых представил отчет и опись предметов (Оп. 1. 1894. Д. 34. Л. 50–55). В архивном деле представлены также фотографии некоторых находок. Эти работы были охарактеризованы в фундаментальном труде, посвященном ИАК (Императорская археологическая комиссия, 2019. С. 665–667). Начинает работы В. Н. Ястребов с двух курганов, расположенных недалеко от «парутинского кладбища, по дороге из дер. Сары-Камыши в Николаев», которые «в значительной степени раскопаны <...> крестьянами для добытия глины» (Оп. 1. 1894. Д. 32. Л. 50). Затем им были исследованы еще 28 небольших погребений (*Там же*. Л. 51–55).

В 1895 г. В. Н. Ястребову поступило предложение продолжить работы на ольвийском некрополе, но исследователь отказался, сославшись на плохое самочувствие (Оп. 1. 1895. Д. 91. Л. 5) (рис. 4). Как следует из некролога, опубликованного в «Киевской старине», во второй половине 1890-х гг. состояние его здоровья ухудшилось, а в 1898 г. он умер в психиатрической лечебнице в Херсоне (Киевская старина, 1899. С. 126).

Отдельно стоит отметить работу В. Н. Ястребова по охране археологического наследия. В архивных материалах представлены письма, в которых он сообщал о случаях грабительских раскопок и выявленных древностях. Авторский эпистолярный стиль передает всю силу переживаний, которые, очевидно, охватывали исследователя.

«Считаю своим нравственным долгом сообщить Вам о возмутительном случае истребления [курсив мой. — В. К.] памятников древности, о котором только что узнал. В с. Губовке Александрийского уезда Херсонской губернии крестьяне, как повсюду у нас, искали клады. Кому-то из них посчастливилось найти два червонца, и вот все, доведенные алчностью до зверства [курсив мой. — В. К.], набросились на курганы и принялись копать их. Учительница местной школы советовала уряднику прекратить копания, и он запретил, но, как узнала она после по секрету, разрешил копать в виде исключения двоим богатым мужикам. Передают также о каком-то камне с надписью, которую кладовискатели намеревались взорвать порохом. От комментариев воздержусь.

Я писал Вам о деревянной статуе Нептуна, найденной г. Сербиновым в Днепровско-Бужском лимане. Теперь он пишет мне, что подарил ее командиру черноморского флота адмиралу Пещурову для учреждаемого в Николаеве музея, вместе с другой какой-то статуей „рыцаря“ (?)» (Оп. 1. 1890. Д. 20. Л. 22, 23).

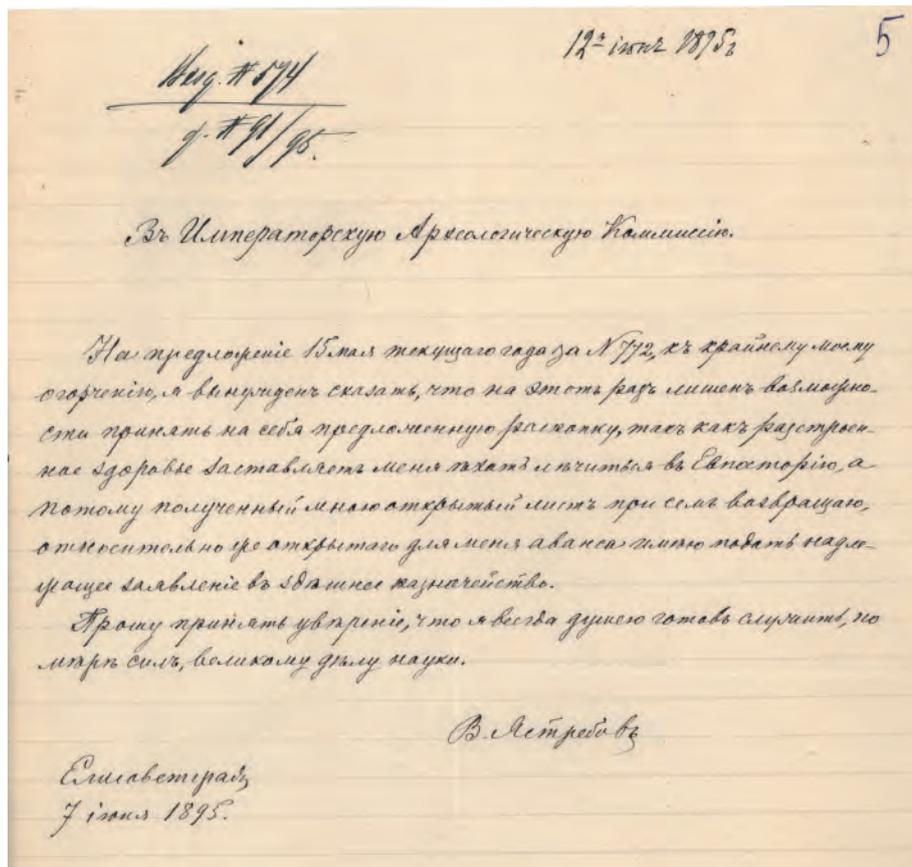


Рис. 4. Письмо В. Н. Ястребова в Императорскую Археологическую комиссию (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1895. Д. 91. Л. 5)

Fig. 4. V. N. Yastrebov's letter to the Imperial Archaeological Commission (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 1. In. 1. 1895. F. 91. Sh. 5)

Еще одно направление деятельности В. Н. Ястребова — это работа со случайными находками. Собственно, все накопленные им сведения были представлены в обобщающем труде «Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии» (1894). Примечательно, что для ряда памятников информация была получена именно благодаря работе В. Н. Ястребова, интересные находки также доставлялись в Комиссию благодаря его деятельности. Так, описывая «древности разного рода», В. Н. Ястребов под пунктом 7–8 пишет про находки в окрестностях с. Табурище на Днестре (Ястребов, 1894. С. 83). Одной из них являлось зеркало, переданное в ИАК благодаря усилиям исследователя (рис. 5, 1). Оно было найдено на берегу Днестра, близ с. Табурище Александровского уезда, вместе с другими «предметами (по рассказам находчицы, кольца, браслеты серьги), которые пропали бесследно, т. е., вероятно, сбыты на сплав, чаша, находившаяся в их числе, поломана на мелкие куски для удобства сбыта» (Оп. 1. 1890. Д. 86. Л. 2). По архивным материалам можно проследить весь процесс поступления изделия в ИАК. Узнав, что зеркало находится у священника Алексея Александровича, В. Н. Ястребов

просил его прислать рисунок и предложил продать эту вещь: «Он очень охотно выслал самый предмет и выразил согласие уступить его какому-либо собранию древностей, значит, как я понимаю, — продать» (Там же). Затем находка была направлена В. Н. Ястребовым В. Г. Тизенгаузену: «Посылаю зеркало Вам в том предположении, что Археологическая Комиссия не побрезгует им, особенно потому, что изображение соколиной охоты на нем кажется <...> мне до крайности интересным и довольно хорошо сохранившимся, хотя и почищено, вероятно, песочком или мелом» (Там же. Л. 2, 3). В результате зеркало было приобретено ИАК у отца Алексея Александровича за 15 руб. и вошло в собрание Эрмитажа. Примечательно, что это не единственный древний предмет, оказавшийся в руках у священнослужителя. Как пишет В. Н. Ястребов, «по сообщению священника о. Алексея Александровича», в 1870-х гг. в с. Табурище на Днестре были найдены кремневый топор, гранитные молоток и клин (Ястребов, 1894. С. 70), кроме того, «верстах в 5 отсюда [от с. Табурище. — В. К.] продолжительные ветры, сдувая верхние слои песка, обнаруживают черенки, похожие <...> на открываемые в Херсонесе, и бронзовые



Рис. 5. Рисунки В. Н. Ястребова: 1 — зеркало из с. Табурище Александрийского уезда Херсонской губернии; 2 — котел, найденный в с. Андрусовка Александрийского уезда Херсонской губернии (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1890. Д. 86. Л. 6, 16)

Fig. 5. Drawings by V. N. Yastrebov: 1 — mirror from the village of Taburishche in the Aleksandriysky Uyezd of Kherson Province; 2 — cauldron found in the village of Andrusovka of the Aleksandriysky Uyezd of Kherson Province (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 1. In. 1. 1890. F. 86. Sh. 6, 16)

наконечники стрел» (Там же. С. 83). В. Н. Ястребов также сообщал в ИАК «о двух скифских котлах, вырытых в местных курганах (из с. Андрусовки Александрийск. у.), находящихся у купца Виктора Андреевича Валахина, <...> другой — у землевладельца елисаветградского уезда Теофила Яковлевича Бакенского (адрес: ст. Шестаковка Одесской жел. дор.), хищнически копающего курганы на своей земле бл. дер. Трактамировка» (Оп. 1. 1896. Д. 86. Л. 3, 4) (рис. 5, 2).

Подводя итоги, отмечу, что материалы НА ИИМК РАН, связанные с исследованиями В. Н. Ястребова в Херсонской губернии, очень

важны для истории археологических исследований в России конца XIX в. Они характеризуют научную биографию исследователя, а также разные стороны его личности — живой интерес к археологии, пытливый ум и самоотдачу. В то же время построение фраз, особенно в переписке, во многом отражает его тонкую душевную организацию, а также маркирует постепенное развитие болезни. Создается впечатление, что в 1890 г. на раскопках в Области Войска Донского произошел надрыв, после которого состояние В. Н. Ястребова ухудшалось. По злой иронии все последующие памятники, которые он исследовал, были

ограблены, что не только не приносило ему ожидаемого воодушевления, но и, вероятно, вызывало дополнительные тревоги. Тем не менее нельзя недооценивать значение работы В. Н. Ястребова в Херсонской губернии. За непродолжительный

период с 1889 по 1894 г. им были проведены раскопки курганов у с. Мартоноша и дер. Сергеевки, исследования Мельгуновского кургана, раскопки в Ольвии, а также регулярно собирались сведения о древностях Причерноморья.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1.

1882. Д. 5: О высылке из Елисаветградского реального училища бронзовой ручки от древнего сосуда. (При проверке в 1938 г. не обнаружено.)

1887. Д. 22: О раскопках в Херсонесе (в 1887 и 1888 гг.). 269 л.

1888. Д. 60: Об открытии подземных ходов в с. Старых Кайдак, Екатеринославской губ. 30 л.

1889. Д. 81: По Херсонской губ. 57 л.

1890. Д. 9а: О раскопках В. Н. Ястребова в Области Земли Войска Донского. 74 л.

1890. Д. 20: О ходатайстве разными лицами права розыскивать клады в Херсонской губ. 29 л.; Д. 86: О металлическом зеркале, присланном в Комиссию на рассмотрение свящ. о. Алексеем Александровичем.

1891. Д. 34: О древних бронзовых украшениях, найденных на земле крестьян д. Сергеевки, Владимирской вол., Херсонского у. и губ. 29 л.; Д. 132: По сношению с александрийским уездным исправником Херсонской губ., о принятии мер к хранению от расхищения кургана, стоящего среди гор. Александрии. 27 л.

1894. Д. 32: Об исследовании Ольвийских курганов и городища. Л. 61.

1895. Д. 91: О раскопках В. Н. Ястребова на месте древней Ольвии. 9 л.

Оп. 3. Д. 15: Журнал исходящих бумаг за 1889 г. 72 л.

Бабенко, 2012 — Бабенко Л. И. К истории коллекции предметов из Литого (Мельгуновского кургана) // РА. 2012. № 3. С. 20–27.

Бокий, 1992 — Бокий Н. М. Мельгуновский курган — исследование и версии // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Междунар. конф., посв. памяти А. И. Тереножкина / Отв. ред. Б. Н. Мозолевский. Мелитополь: ИА НАН Украины, 1992. С. 13–14.

Вахтина, 2008 — Вахтина М. Ю. О змеях на ручке бронзового кратера из села Мартоноша // АВ. 2008. Вып. 15. С. 84–90.

Императорская археологическая комиссия, 2019 — Императорская археологическая комиссия (1859–1917):

история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: ИИМК РАН, 2019. Т. 1. 888 с.

Киевская старина, 1899 — Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. Год восемнадцатый. Т. LXVII. Октябрь. Киев: Тип. Императорского Университета Св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1899. С. 121–126.

Мальмберг, 1907 — Мальмберг В. К. Ваза с ручкой, украшенной Горгоною // Жебелев С. А., Мальмберг В. К. Три архаические бронзы из Херсонской губернии. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1907 (МАР; № 32). С. 36–57.

ОАК за 1889 г., 1892 — Отчет Императорской археологической комиссии за 1889 год. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1892. 127 с.

Придик, 1911 — Придик Е. М. Мельгуновский клад 1763 г. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1911 (МАР; № 31). 24 с.

Тереножкин, 1952 — Тереножкин О. І. Розвідки и розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області // Археологія. 1952. Т. VII. С. 110–135.

Трейстер, 2021 — Трейстер М. Ю. Бронзовый кратер из скифского кургана у села Мартоноша // Ранній залізний вік Східної Європи: збірник статей на пошану Ірини Шрамко / Ред. С. Скорий, С. Задніков. Харків; Котельва: Харківський НУ ім. В. Н. Каразіна; ІКЗ «Більськ», 2021. С. 260–277.

Тункина, 2006 — Тункина И. В. Сокровища Литого кургана и академик Г. Ф. Миллер // ВДИ. 2006. № 3. С. 135–155.

Ястребов, 1893 — Ястребов В. Н. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1893 (МАР; № 10). 63 с.

Ястребов, 1894 — Ястребов В. Н. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии // Записки Одесского общества истории и древностей. 1894. Т. XVII. С. 63–176.

**“...And with all my soul I would like to conduct excavations exactly there”:
V. N. Yastrebov’s materials on the investigations in Kherson Province kept
at the Manuscript Department of the Scientific Archives of IHMC RAS**

V. N. Kuznetsova⁹

Keywords: Yastrebov, Scientific Archives, Kherson Province, Black Sea region, history of archaeology.

In the collection of the Scientific Archives of IHMC RAS there are kept V. N. Yastrebov’s materials related to examination of sites at the Land of the Don Army and in Tambov and Kherson provinces. V. N. Yastrebov (1855–1898) was a full member of the Imperial Odessa Society of History and Antiquities and a professor of the Elisavetgrad non-classical secondary school; he also collaborated with the Imperial Archaeological Commission (IAC) and the Moscow Archaeological Society. Among the mentioned documents there are reports, drawings (Fig. 1), photographs and correspondence of the researcher with the IAC. The scope of the present paper is focused on the materials from Kherson Province with the investigations of which the entire scientific biography of V. N. Yastrebov was concerned. He studied materials of different scale — from stray finds to the Melgunov’s barrow in Olbia. In 1889, V. N. Yastrebov conducted investigations near the village of Martonosh, in 1891 in the village of Sergeevka (Fig. 2), in 1892 he completed the investigation of the so-called “Melgunov’s barrow” (Fig. 3), and in 1894 he worked in Olbia. In 1895, V. N. Yastrebov received a proposal to continue the works at the Olbian necropolis but the researcher refused alleging his poor health (Fig. 4, 1). An important direction of V. N. Yastrebov’s activities comprised the studies of chance finds. The information accumulated by him is presented in the summarizing work *Opyt topograficheskogo obozreniya drevnostey Khersonskoy gubernii* (*Experience of a topographical review of antiquities of Kherson Province*; 1894). It is of note that for a number of sites, the information was gained exactly thanks to the efforts of V. N. Yastrebov and some finds were submitted to the Commission owing to his activities (Fig. 5). The materials from Scientific Archives of IHMC RAS related with V. N. Yastrebov’s investigations in Kherson Province are of great importance for the history of archaeological studies in Russia in the late 19th cen. They characterize the scientific biography of the researcher as well as different aspects of his personality — the live interest for archaeology, inquisitive mind and devotion.

⁹ Valentina N. Kuznetsova — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18-A Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: valentkuznets@mail.ru.